

ИССЛЕДОВАНИЯ по источниковедению истории России (до 1917 г.)

Сборник статей

К 80-летию
члена-корреспондента РАН
В. И. Буганова

УДК 930
ББК 63.2
И85

Редколлегия:

доктор исторических наук Н. М. Рогожин
(ответственный редактор),
доктор исторических наук Д. В. Лиссейцев,
кандидат исторических наук А. В. Толычанов,
кандидат исторических наук И. А. Устинова

ОТРЕДКОЛЛЕГИИ

Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. Сб. статей / отв. ред. Н. М. Рогожин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 415 с.

ISBN 978-5-8243-1671-1

Данное издание содержит в себе труды научной конференции «Проблемы истории феодальной России», посвященной 80-летию выдающегося ученого, члена-корреспондента РАН Виктора Ивановича Буганова. В сборнике представлены исследования проблем отечественного источниковедения XV–XVII вв., а также статьи по политической и социально-экономической истории России X–XVII вв. Книга адресована специалистам, а также всем интересующимся историей России.

УДК 930
ББК 63.2

В 2008 г. исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося ученого, историка и источниковеда, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Виктора Ивановича Буганова. Виктор Иванович был одним из крупнейших специалистов по социально-политической истории России XVI–XVII вв., а его труды, посвященные проблемам источниковедения, составляют классику отечественной исторической науки. Как ученик академика М. Н. Тихомирова, В. И. Буганов стал достойным продолжателем лучших традиций отечественного источниковедения и основателем собственной историографической школы, представители которой, вслед за своим учителем, продолжают изучение истории российской государственности и разработку проблем отечественного источниковедения XVI–XVIII вв.

В ознаменование 80-летнего юбилея ученого Центром истории русского феодализма Института российской истории РАН была организована и проведена научная конференция «Проблемы истории феодальной России (К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова)». В ее работе приняли участие и выступили с докладами более тридцати ученых из ведущих научных и высших учебных заведений Москвы, Казани, Нижнего Новгорода, Брянска и Липецка. Материалы выступлений участников конференции легли в основу предлагаемого вниманию читателей сборника.

Публикуемые в сборнике материалы редколлегия сочла возможным структурировать в 4 раздела. Первый из них содержит статьи, посвященные анализу творчества В. И. Буганова, основным вехам творческого пути ученого. Во втором разделе собраны доклады, в центре внимания авторов которых лежат проблемы российского источниковедения XV–XVII вв. Третью группу материалов составили исследования по политической и социально-экономической истории России X–XVII вв. Завершают сборник тексты выступлений ученых, центром внимания которых стали различные аспекты отечественной истории XVIII – начала XX в.

Всего в сборнике публикуются 29 статей по перечисленной выше научной тематике. Составителям сборника приятно осознавать, что

ISBN 978-5-8243-1671-1

© Коллектив авторов, 2012
© Институт российской истории РАН,
2012

© Российская политическая энцикло-
педия, 2012

Петрако В. Б. (ИРИ РАН). Данные о социально-экономическом положении посадских женщин XVI–XVII вв. 156

Володухин Д. М. (Москва). Когда была отменена опричнина? 177

Бицоргадов А. В. (ИРИ РАН). Посольский язык

Андрей Яковлевич Шелкалов и дипломатические отношения

российского государства с Крымским ханством

в 70–90-х годах XVI в. 187

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редактора</i> 3	3
<i>Рогожин Н. М. (ИРИ РАН). Проблемы истории феодальной России в трудах В. И. Буганова</i> 5	5
<i>Аксенова А. И. (ИРИ РАН). XVIII век в трудах В. И. Буганова (Библиографические заметки)</i> 16	16
Проблемы источниковедения XV–XVII вв.	
<i>Кузнецов А. А. (Нижний Новгород). Сведения источников XV–XVII вв. об участии в убийстве Андрея Богословского его жены</i> 23	23
<i>Французова Е. Б. (ИРИ РАН). Комплекс приходно-расходных книг Соловецкого монастыря XVI в.</i> 33	33
<i>Кривцов Д. Ю., Морозкин А. В. (Нижний Новгород).</i>	
<i>К обсуждению вопроса о том, был ли Григорий Отрепьев автором похвалы трем святым?</i> 46	46
<i>Лисецhev Д. В. (ИРИ РАН). К вопросу о времени и обстоятельствах составления боярского списка 1611 г.</i> 50	50
<i>Булагаков М. Б. (ИРИ РАН). Сотенные знамена рязанских полковых воевод 1638–1639 гг.</i> 59	59
<i>Иванова Е. В. (РАГС). Делопроизводство Печатного приказа в первой половине XVII в.</i> 68	68
<i>Белогусов М. Р. (Казань). Проблемы датировки боярских списков второй половины 40-х – первой половины 60-х гг. XVI в.</i> 78	78
<i>Беззубов Д. А. (Москва). Делопроизводство приказа Малой России за 1662–1669 гг. (по материалам описи 5 фонда 229 РГАДА)</i> 89	89
<i>Новокутенко О. В. (ИРИ РАН). Перешика столыпика А. И. Безобразова как исторический источник</i> 107	107
Российская история X–XVII вв.	
<i>Стефанович П. С. (ИРИ РАН). Происхождение «права отъезда» на Руси</i> 115	115
<i>Курикин В. А. (ИРИ РАН). К характеристике торговли в Москве в XIV – начале XVI в.</i> 124	124
<i>Морозова Л. Е. (ИРИ РАН). Роль великой княгини Евдокии Дмитриевны в создании Московского великоикняжеского свода начала XV в.</i> 140	140

- ²⁷ *Лихачев Д. Д. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911. С. 43.*
- ²⁸ *Alef G. The Origins of Muscovite Autocracy – the Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. В. 39. Berlin, 1986.*
- ²⁹ Обзор этих работ см.: *Соболева Н. А. Печать 1497 г. – историко-художественный памятник Московской Руси // Труды Института российской истории РАН. 1999. 2000. Вып. 3. М., 2002. С. 34–38, 50.*
- ³⁰ *Sobol'eva A. V. Les emblèmes heraldiques de Byzance et les Slaves // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1935. VII, Р. 132.*
- ³¹ *Musinov Kр. Елита национальной культуры от дворца в Тирнове // Сборник в честь наследника копия ХIX столетия, когда утверждаются общественные ски изображения от Тирновград (XIII–XIV век) // България 1300. Институт и Държавна традиция. Т. II. 1982. С. 334–351.*
- ³² *Type F-H. Der Doppeladler als Symbol für Kaiser und Reich // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. 81. Н. 1. Wien, Graz, 1973.*
- ³³ *Лэбарт M. A. История и знания // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск, 2007. Её же. Циты и их изображения на огненных камнях // Проблемы современной археологии. М., 2008. С. 108–111.*
- ³⁴ *Филев Б. Староболгарского искусства. София, 1924. С. 10–11; Aleksov B. Семантический метаморфоз на двуглавия орел // Български фолклор. София, 4/1991. С. 23–36. Его же. Мит и фольклор. София, 1999. С. 178–193.*
- ³⁵ С образом двуглавого орла исследователи встречаются в современном государстве в культуре синглов (Шри-Ланка) // Азиатский бестиарий. СПб., 2009. С. 137. Матсоны знакомы с ним в Шотландии (*Двуглавый орел служит эмблемой древнего и припятого шотландского ритуала). Соловьев О. Ф. Масонство. М., 2001. С. 281.
- ³⁶ Известны изображения двуглавого орла в Хеттском царстве и городах Шумера от III тыс. до н. э., а как художественный элемент – в первых Болгарии (резьба, рельефы) даже в XIX в. См.: Алецов В. Указ. соч.

А. Б. Каменский

К вопросу о становлении русской исторической науки

Примерно с середины XIX в., когда русскими историками были сделаны первые попытки осмысливать паконченный опыт, сложилось представление о возникновении исторической науки в России в начале XVIII в., т. е. тогда же, когда в ходе петровских преобразований наука вообще впервые появляется как самостоятельная сфера человеческой деятельности, а с основанием в 1725 г. Императорской академии наук приобретает институциональный характер. За своего роля точку отсчета была взята деятельность В. Н. Татищева, которого принято считать первым русским ученым-историком. Подобные представления об истории русской исторической науки преобладали и в советское время, хотя уже на его плите были сделаны попытки связать ее начало с именами живших во второй половине XVII в. Андрея Лызлова, Игнатия Римского-Корсакова и др.¹ В наши дни, од-

нако, многие исследователи, работающие в рамках научноведческого подходов, придерживаются точки зрения, согласно которой «становление истории как полноценной науки» в современном ее понимании не только в России, но и в мире в целом происходит не ранее середины XIX столетия, когда утверждаются общественные науки «с собственными предметными областями» (психология, социология, антропология, политология, экономика) и одновременно происходит «возрождение истории в ранг науки»². Одним из важнейших показателей появления истории как науки считают возникновение в университетах исторических факультетов. В связи с этим сегодня исследователи осторожно говорят о XVIII в. как о времени перехода «от накопления исторических знаний к научному освоению исторического материала», отличающемуся «от предшествующего более научным подходом к истории»³.

Вполне очевидно, что за этими разногласиями стоит различное понимание сущности науки и ее отличия от иных форм знаний о прошлом. Столъ же очевидно и то, что становление исторической науки – это длительный процесс, связанный с формированием научных представлений о прошлом и выработкой научных методов его изучения. Сама идея создания исторического факультета не может возникнуть без представления об истории как самостоятельной науке, о ее объекте и предмете, ее методе, без сложившихся исследовательских практик. Представляется, что окончательное разделение истории и естествознания, а также выделение иных социальных наук можно трактовать как завершающий этап процесса превращения истории в полноценную науку, истоки которого применительно к России вплотне оправдано искать в начале XVIII в.

Связывая начало русской исторической науки с деятельностью Татищева и других его современников, исследователи традиционно и совершенно справедливо отмечали, что им принадлежат первые авторские труды по русской истории, имеющие признаки научного исследования, поскольку, в отличие от предшествующей летописной традиции, эти труды были основаны на изучении и сравнительном критическом анализе различных исторических источников. Действительно, научное знание о прошлом тем в первую очередь и отличается от иных его форм, что находится исключительно в рамках того, что историк обнаруживает в источниках. С этой точки зрения достаточно очевиден и вклад в начало научного изучения русской истории Г. Ф. Миллера. Ему не только принадлежат первые в историографии труды по целому ряду проблем отечественной истории, положившие начало нескольким важнейшим направлениям, но весьма значительная и его роль в расширении источниковской базы исторических исследований за счет привлечения летоприказческих и актовых

документов, а также источников иностранного происхождения. Собственно именно Миллер был первым исследователем, обратившимся с научными целями к архивным документам. Само слово «источник» в знакомом нам значении было впервые употреблено именно в его трулах. Хорошо известна и роль ученого в институциональном становлении исторической науки в России⁴.

Однако наука не сводится лишь к содержательной части знания и даже к научно обоснованным методам. Наука – это еще и определенные, принятые научным сообществом практики, формы представления и распространения результатов исследования, их аprobации и оценки в соответствии с определенными критериями – формальными, либо неформальными, но также принятыми коллегами по цеху. Именно с этой точки зрения в данной статье и предлагаются предложить посмотреть на деятельность Миллера и его вклад в становление российской исторической науки. Но прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению этой темы, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Как известно, Миллер – одна из самых спорных фигур отечественной историографии. Его оценки как историка были чрезвычайно полярными не только в советское время, но и до революции, когда на эти оценки не влияли идеологические мотивы. Если К. Н. Бестужев-Рюмин называл Миллера «отцом русской истории», то в работах С. М. Соловьева, П. Н. Милюкова и др. историк предстает своего рода ремесленником, чернорабочим от истории, не способным подняться до вершин аналитических обобщений⁵. По-видимому, дело в том, что единственный историк того времени, кто не только не создал, но даже не пытался создать крупный обобщающий труд по истории России, полобный сочинениям Татищева и Цербатова, и таким образом предложил собственную концепцию русской истории, – Миллер очевидно проигрывает на фоне своих современников. За исключением многотомной «Истории Сибири», он не создал крупных исследований, а основным видом его научной продукции были тематические статьи, в лучшем случае небольшие монографии, посвященные отдельным историческим сюжетам. Однако в этом смысле он оказался гораздо ближе к современным историкам со свойственной им специализацией, чем те же Татищев или Цербатов. Но если в папе время истории специализируются, как правило, по определенным периодам русской истории, а чаще даже по конкретной тематике в рамках этих периодов, работая при этом в одном из направлений исторической науки, то специальность Миллера была история России как таковая. Это естественно, поскольку сам объем накопленных исторических знаний был еще минимален, а проблемное поле русской истории не разработано. К тому же само историческое знание

еще носило целостный характер, и еще не произошло разделения на социальную, политическую, экономическую историю и т. д.

От современников Миллера отличало и еще одно обстоятельство: в России XVIII в. он был единственным, для кого занятие историей были работой, за которую он получал жалование, а не увлечением. В этом смысле, хотя Миллер и не получил непосредственно исторического образования, о нем можно говорить, как о первом русском профессиональном историке. При этом изначально историк оказался в уникальной и идеальной для исследователя ситуации: перед ним был предмет исследования, о котором у него не было практически никакого предварительного знания. Не существовало и историографии, которую необходимо было бы изучить, и на которую можно было бы опереться. Но зато был необыкновенный массив неизученных источников, о котором нужно было лишь время для того, чтобы приобрести опыт и выработать приемы работы с ними.

Только с учетом этого можно правильно оценить и резкие суждения о Миллер-историке, принадлежащие Н. Н. Отгоблину, который обвинил Миллера в небрежном колировании документов во время путешествия по Сибири и таким образом поставил под сомнение его историковедческие достижения⁶. Однако эта критика не учитывала как раз то, что никакого опыта подобного рода работы у Миллера, как правило, и ни у кого другого в России того времени еще не было, как впрочем, и ни у кого другого в мире. Между тем, по существовали еще никаких правил и археографических приемов. Иллюстрацией могут служить местных сибирских учреждений. Между тем, по словам С. В. Бахрушина, «в 1733 г., из Петербурга выехал еще новичок, приступавший лишь к работе над историческими источниками. Через десять лет Миллер вернулся уже уже выдающимся специалистом. Чрез десять лет Миллер вернулся уже уже выдающимся специалистом. Чрез десять лет Миллер вернулся уже уже выдающимся специалистом. Чрез десять лет Миллер вернулся уже уже выдающимся специалистом. Чрез десять лет Миллер вернулся уже уже выдающимся специалистом. Чрез десять лет Камчатской экспедиции создали Миллера как ученого европейского масштаба».

Второе обстоятельство, которое необходимо принять во внимание, рассматривая вклад Миллера в становление русской исторической науки, связано с обиходными тенденциями развития исторического знания, рассматриваемого времени. Начиная с Эпохи Возрождения традиция рассматриваемого времени. Начиная с Эпохи Возрождения традиция ряда французских, немецких, итальянских и др. авторов была постепенно разрушена целостность образа европейской истории и на основании древности отдельных европейских народов выражены претензии на их первенство. Обосновывалось место этих народов в Истории, сами они признавались историческими, а историческое значение становилось средством легитимации политических претензий, а

также формирующейся идеи нации и национальной идентичности⁹.

В России начала XVIII в. соответствующих текстов еще не существовало, а сама потребность в них возникла и была осознана после петровских реформ, изменивших статус страны и ее место в мире, а главное – сформировавших представление о государстве, как самостоятельном субъекте, отделенном от государя и, по словам самого Петра, «врученном» ему для управления. Но одновременно с этим в XVIII столетии завершается отделение гражданской истории от церковной, и важнейшей приметой исторического знания в Европе становятся рационализм и стремление к объективности. Появляются сочинения, «свидетельствующие об упрочении аналитического подхода к истории», причем «сама идея просвещения с неизбежностью усиливала pragmatische компонент исторического знания»¹⁰.

Возникшая в ходе петровских реформ Российской империи, созданная на основе идеи рационального регуляторного устройства, нуждалась, как уже сказано, в легитимации, в том числе средствами истории. Опоры в виде исторических знаний требовал также начавшийся заново, на новой основе процесс формирования национальной идентичности, но знаний уже иного, чем прежде, секулярного и верифицируемого характера. По мере формирования на протяжении столетия национального самосознания интерес к прошлому все более усиливался, а на смену свойственной соратникам Петра гордости за «Россию молодую» приходила характерная для эпохи Екатерины Великой гордость за многовековую историю страны. Причем это было не просто обретение заново собственной истории, утерянной в ходе радикальной трансформации. Это было содержательно новое знание, в фокусе которого была уже не история отдельных родов, необходимая для мистических счетов, и даже не история только правящей династии, но собственно история страны, хотя и ориентированная преимущественно на историю русской государственности. Наконец, в отличие от летописной традиции предшествующих веков, стимулом к познанию прошлого было не стремление зафиксировать события земной жизни для отчета на Божьем суде¹¹, а сочетание осознания утилитарного значения истории для политических и воспитательных целей с характерной для эпохи Просвещения каждой знания как такового. Иначе говоря, формирующаяся заново версия прошлого России, так же как в Европе в целом, должна была иметь гражданский, секулярный характер, что полностью соответствовало и духу петровских преобразований.

Будучи человеком своего времени, Миллер разделял характерные для него взгляды на значение исторического знания и уже в своем проекте Исторического департамента Академии наук в 1746 г. писал: «Каждому человеку... в истории необходима нужда есть; она обыкновенно называется зеркалом честолюбивых действий, по которому

о всех приключениях нынешних и будущих времен, смотря на прошедшия, разсуждать можно»¹². За годы жизни в России Миллер несомненно, как свидетельствовал А. Л. Шлецер¹³, стал патриотом своей второй родины, а приобретенный здесь опыт научил его тому, что «историческая правда» может быть политически опасной. Однако в том, что касалось научных исторических изысканий, Миллер стоял на, очевидно, объективистских позициях, утверждая, что историк «должен казаться без отечества, без веры, без государя... все, что историк говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести»¹⁴. Собственно тут и крылось основное расхождение между Миллером и Ломоносовым. Как верно заметил А. С. Мыльников, в дискуссии Ломоносова с Миллером 1749–1750 гг. «столкнулись два методологических полюса – один, представленный Миллером, восходящий к рационалистической критике раннего немецкого Просвещения, и другой, представленный Ломоносовым, сочетающий просветительские представления с элементами поэтики русского бароко, скематизированные идеями национального патриотизма»¹⁵. Наставивший на различии исторического исследования и «панегирической речи» и считавший, что негативные примеры из прошлого имеют не меньшее воспитательное значение, чем положительные, Миллер, вместе с тем, в отличие от своего оппонента, очевидно, неставил перед собой цель создания национального исторического дискурса, рассматривая свою задачу не как политическую или патриотическую, но как сугубо научную, исследовательскую, связанную с производством нового знания.

С этой позицией Миллера думается, связан и его отказ от попыток написать историю России, подобную «Истории» Татищева и, таким образом, предложить собственную концепцию русской истории в целом. Знакомый с «Историей Российской» Татищева по рукописям, хранившимся в Академии наук, и позднее сделавший много для ее издания, Миллер сознавал, что для того, чтобы подняться на новый уровень обобщения и осмыслиения прошлого, необходимо было прежде определить, чем и как следует заниматься, освоить иные виды источников, разработать методику их поиска, изучения, публикации и интерпретации. Необходимо было определить круг вопросов, поиски ответов на которые следовало вести в первую очередь и без разрывов новой компиляцией так или иначе уже известных сведений и лишь новой компиляцией.

Подражанием Татищеву. Еще в 1732 г., имея минимальный опыт занятой историей, он писал, что «история Российского государства и принадлежащих к нему стран представляет столько трудностей, что написать о ней систематическое сочинение ельва ли можно надеяться в двадцать и даже более лет»¹⁶.

Еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание, это, конечно, то, как Миллер был подготовлен к занятиям русской историей. Закончив гимназию в родном Герфорле, будущий историк России поступил в университет Ринтельна, а затем продолжил образование в университете Лейпцига, где в 1725 г. получил степень бакалавра. Здесь он учился у Иоганна Бурхарда Менке, который в свою очередь был сыном Отто Менке – основателя и издателя первого германского научного журнала – «Acta eruditorum». После смерти отца Менке-сын продолжил его дело, а с 1715 г. он также издавал на немецком языке «Новые ученыe ведомости» («Neue Zeitungen von Gelehrten Sachen»). Менке имел звание саксонского историографа и являлся автором сочинения «Писатели германской истории, особенно саксонской» («Scriptores rerum Germanicarum, praesertim Saxoniarum»), впрочем, вышедшего спустя несколько лет после отъезда Миллера в Россию. Помимо этого, Менке писал стихи и был основателем местного поэтического общества («Deutschübende poetische Gesellschaft»), но более всего он прославился в качестве автора серии лекций «De Charlataneria Eruditorum», явившихся первыми в раннем немецком просвещении сатирическими сочинениями, направленными на борьбу с лжеучеными¹⁷. Менке был также обладателем обширной библиотеки, которой Миллер имел возможность пользоваться.

По мнению С. С. Илизарова, в студенческие годы на историка России могли оказать влияние еще два человека – Иоахим Кристофер Готтшед и Даниэль Георг Морхоф¹⁸. Первый из них, впоследствии прославившийся как писатель, критик, теоретик литературы и издатель журналов, появился в Лейпциге в том же 1724 г., что и Миллер, в качестве домашнего учителя детей Менке и в том же году защищил диссертацию. С Готтшедом Миллер, несомненно, был знаком и познее состоял в переписке. О влиянии на него Морхофа – немецкого писателя и ученого XVII в., автора сочинения «Полигистор...» («Polyhistor, sive de auctorum notitia et rerum commentarii») – своего рода энциклопедии знаний и учёности того времени, упоминал сам Миллер¹⁹.

Канадский биограф Миллера Джером Блэк называет еще одно имя – ученика Лейбница, Иоганна Яакоба Маскофа, автора 10-томного сочинения «Geschichte der Teutschen bis zu Anfang der frankischen Monarchie». Блэк особо подчеркивает, что Маскоф «использовал критические методы для определения достоверности источников, цитировал их в точности, как в оригинале и, хотя относился к ним с уважением, как к реликтам минувших веков, опроверг многие распространенные легенды»²⁰.

Следует заметить, что Лейпцигский университет был одним из лучших и наиболее известных университетов Германии того времени,

однако чему именно учился там Миллер и, в частности, чему он учился у Менке, не вполне ясно. Очевидно, что учился он на философском факультете, который в то время давал общее образование энциклопедического типа. В связи с этим вряд ли прав был Г. Н. Милюков, указывавший на отсутствие у Миллера «строгой школы и серьезной ученой подготовки»²¹. Во многих российских биографиях историка упоминается, что Миллер слушал курс Менке по журналистике, но происхождение этих сведений не вполне понятно, как неясно и что представлял собой этот курс. С. С. Илизаров в новейшей биографии Миллера уточняет: «Миллер прослушал первый в Германии курс истории журналистики» (курсив мой. – А. К.), не сообщая, однако, источник этих сведений²².

Не исключено, что подобная версия возникла под влиянием знаний о журналистской деятельности Менке, тем более что и сам Миллер внес существенный вклад в развитие русской журналистики. В 1728 г. он основал первый русский журнал «Примечания к Ведомостям», а несколько позднее и первый исторический журнал – «Sammlung Russischer Geschichts»²³. С 1755 по 1764 г. под редакцией Миллера выходил журнал Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», ставший образцом для ряда новых журналов и явившийся, по сути, первым русским «толстым журналом».

Следует заметить, что основание Миллером первого русского журнала²⁴ произошло спустя лишь несколько десятилетий после появления научной журналистики в Западной Европе. Между тем появление первых научных журналов, в свою очередь, ознаменовалось рождением нового научного жанра – журнальной статьи исследовательского характера. До этого основными научными жанрами были трактат, диалоги и письмо.

В России первые научные статьи были опубликованы именно в «Примечаниях к Ведомостям». В основном это были статьи профессоров Академии наук по математике, астрономии, химии, естествознанию, палеонтологии и т. д. Были здесь и публикации по истории²⁵. Среди них и написанное Миллером редакционное предисловие к «Примечаниям к Ведомостям» 1729 г., в котором он приводит краткие исторические сведения по истории европейской журналистики. По мнению С. С. Илизарова, это был «первый в своем роде исторический очерк на русском языке», который «был сочинен в 1728 г., то есть на заре формирования русского научного языка»²⁶. Однако очевидно, что изначально предисловие было написано Миллером по-немецки, а затем переведено на русский язык, поскольку сам историк русским языком в это время еще не владел. Во-вторых, по жанру это не статья, а именно предисловие, да к тому же достаточно краткое, занимающее

одна посвящена непосредственно истории журналистики²⁷. Но что самое главное: это сочинение Миллера не носит исследовательский характер.

Другим, уже сугубо научным изданием²⁸ были начавшие издаваться в том же 1728 г. на латинском языке «Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae», где печатались труды петербургских академиков, обозначавшиеся как «диссертации» и «мемуары». Первый том этого издания был переведен на русский язык и вышел под названием «Краткое описание Комментариев», в которое вошли и три сочинения Г. З. Байера по древней истории. Впоследствии, однако, «Commentarii...» на русский язык уже не переводились и издавались только на латыни (до 1751 г.). При этом по своей сути это был не журнал, а, согласно современной терминологии, скорее, продолжающееся издание, носившее характер своего рода отчета Академии наук о своей работе²⁹.

В первом же томе нового журнала была опубликована статья Миллера «О первом летописателе Российском преторионом Несторе, о его летописи и о продолжателях оны». Стоит при этом отметить, что данная статья – едва ли не единственная из многочисленных трудов Миллера, опубликованных в «Ежемесечных сочинениях», которая не была издана по-немецки в «Sammlung Russischer Geschichte», но появилась только на русском языке. Эта небольшая по объему статья занимает в современном издании 10 страниц печатного текста. Начинается она с небольшого введения, в котором автор определяет значение труда Нестора, отмечает его уникальность, говорит о необходимости изложения его летописи, а также «Истории» Татищева, а затем формулирует цель собственного «исследования»: «объявить о преподобном Несторе и о тех, когдато его продолжали». Обращает на себя внимание тот факт, что свою статью Миллер определяет словом «исследование». Согласно «Словарю русского языка XVIII века», это слово в значении «научное сочинение» еще не получило в это время широкого распространения. Словарь приводит лишь два примера: название переводного сочинения А. Д. Кантемира, относящегося к началу 1740-х гг., и публикацию в «Санкт-Петербургском журнале» 1798 г.³⁰ Статья же Миллера, напомню, вышла в 1755 г.

Сопоставляя далее тексты Киево-Печерского патерика, Четырехミニй и самой Начальной летописи, Миллер переходит к доказательству авторства Нестора. Следующий вопрос, которым он задается, – дата рождения Нестора. Историк устанавливает ее опять же путем сравнения различных сведений самой Начальной летописи с житиями Феодосия и Антония Печерских. Затем Миллер ставит вопрос, ставший впоследствии одним из ключевых в истории русского летописания, – о том, «сколь долго Нестор жил и как далеко дошел в сочинении своей летописи». В поисках ответа на этот вопрос историк

идет тем же путем, что и все последующие исследователи: он анализирует текст самой летописи и вступает в связь с этим в полемику с Татищевым – своим единственным предшественником. Наконец, заключительная часть статьи содержит краткий обзор истории русского летописания вплоть до XVII в. В завершение Миллер возврашается к вопросу об издании Несторовой летописи, на сей раз уже на иностранных языках, «дабы тем скоря... другие европейские народы... могли ими пользоваться и сим способом выти из той темноты, в которой они по сие время в разсуждении древней Российской истории находятся». Стоит отметить, что в тексте статьи имеются цитаты из анализируемых источников, некоторые из них вынесены в подстрочные примечания. В самом начале статьи автор обозначает, что пользуется изданием Киево-Печерского патерика 1702 г., хотя лишь один раз указывает страницу, на которой находится цитируемый им текст.

Статья Миллера «О первом летописателе Российском преторионом Несторе» была первой специальной работой, посвященной истории русского летописания и, таким образом, положила начало одному из важнейших направлений отечественной историографии. Но по существу это была и первая журнальная статья исследовательского характера по истории на русском языке. Между тем нетрудно заметить, что она содержит фактически все компоненты, ставшие впоследствии обязательными для этого жанра научной работы и, следовательно, заложила свою роль образец формата исследовательской статьи.

Совершенно очевидно, что обоснование проблемы и ее значимости, определение цели исследования в наше время являются обязательными компонентами не только научной статьи по истории, но и вообще всякого научного исследования. Однако современное историческое исследование, в том виде, как оно сложилось в отечественной традиции, имеет особый компонент, только для него носящий обязательный характер, – обзор источников. Первая попытка подобного рода была сделана В. Н. Татищевым в его «Пребывашении» к «Истории Российской». «Отец русской истории» перечисляет довольно значительное число различных, в основном нарративных источников – летописи, хронографы, степенные книги, свадебные разряды, жития святых, а также авторские сочинения А. Паллана, А. Курбского, А. Лызлова, С. Медведева, А. А. Матвеева и др. Упоминает он и «дипломатические» документы, скопированные им в архивах Казани, Astrахани и Сибири. Некоторым из источников Татищев дает краткие характеристики относительно степени их достоверности. Порядок перечисления им использованных источников выглядит следующим образом: 1) Повесть временных лет; 2) Хроопограф; 3) «Синопсис» И. Гизеля; 4) летописи; 5) «дипломатические» документы; 6) авторские сочинения; 7) свадебные разряды; 8) аги-

графическая литература³¹. Этот перечень весьма далек от какой-либо систематизации источников, соотносимой с принятой в современном источниковедении.

Миллер посвятил обзору источников несколько страниц своего предисловия к «Истории Сибири». Однако, упомянув в нем о найденных в Сибири архивных документах и высоко оценив их значение, главное внимание историк уделил сибирским летописям, довольно подробно остановившись на характеристике различных списков. Спустя несколько лет после завершения работы над «Историей Сибири», в 1761 г. Миллер продолжил «Историю Российской» Татищева своим «Опытом новейшей истории о России». Обзор источников в этом сочинении свидетельствует об определенной эволюции Миллера как ученого.

Основная часть «Опыта» была опубликована по-немецки в четырех выпусках пятого тома «Sammlung Russischer Geschichte», а первая часть — в том же году в трех номерах «Ежемесячных сочинений». «Опыт» начинается пространным авторским обоснованием избранной темы. Миллер приводит два основных резона. Во-первых, он считал необходимым продолжить «Историю» Татищева «для приведения в некоторое совершенство всей Российской Истории». Во-вторых, он указал на воспитательное значение истории: «Когда вся история должна из примеров показывать нам правила, по коим учредить и расположить наши поступки, то не токмо похвальные дела производят сие действие, но и рассказывание о порочных, безрасудных, дерзновенных, изменнических и безчеловечных делах в себе содержит толь много полезного, что еще казаться может сомнительным, имеют ли в том преимущество благополучнейшие и достохвальнейшие случаи, что касается до пользы в нравоучении и политике. Человеку сродно взирать на доброе дело... яко на обыкновенное, без великого возторга. Но злое возбуждает ужас, когда живо изображается. Глуской порок примет вид добродетели, сколь долго может; время делает оной известным и мерским»³².

Покончив с общими рассуждениями, Миллер переходит к обзору источников, оговаривая при этом, что он посвящен только русским источникам. Их обзор Миллер строит в следующей последовательности: 1) летописи; 2) хронографы; 3) степенные книги; 4) «Летопись о многих мятежах»; 5) «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева; 6) родословные и разрядные книги; 7) «архивные письма», т. е. дополнительные документы. Каждому из этих видов источников историк дает краткую критическую характеристику, включающую его происхождение, сведения о различных списках и различиях между ними с точки зрения характера и полноты информации. Так, например, характеризуя списки Степенной книги, Миллер отмечает, что большинство известных ему списков насчитывает 17 степеней,

некоторые включают и 18-ю, т. е. правление царя Федора Иоанновича, а другие содержат и съятия более позднего времени, по «без числа степеней». Поскольку основной объем информации в Степенной книге связан с церковными делами, а «о светских делах иное пропущено», историк делает вывод о составлении книги представителями церкви. Говоря о разрядных книгах, Миллер впервые в историографии определяет их назначение как местнических справочников, а заодно дает характеристику самому местничеству как важнейшему социальному институту и рассказывает о его отмене, сопровождавшейся уничтожением разрядных книг. Что же касается «архивных списем», то автор «Опыта» поясняет, что речь идет о документах, найденных им в местных сибирских архивах и, в первую очередь, в архиве Чердыни. Далее Миллер выражал надежду на то, что еще более ценные документы будут найдены в московских архивах, и признался, что именно обнаружение этих документов в архивах Сибири побудило его к написанию «Опыта»³³. Стоит заметить, что Миллер в это время, по-видимому, еще не знал о московском пожаре 1626 г., уничтожившем значительную часть документов Смутного времени, что впоследствии дало повод известному русскому археографу П. М. Строеву патетически воскликнуть: «Что бы было с временами Лже-Дмитриев и смутного правления бояр в Междоцарствии... если бы Миллер, один Миллер, не восстановил их актами, кои он открыл в архивах городовых архивов Сибири»³⁴.

Присмотревшись к обзору источников в «Опьте» Миллера, нетрудно заметить, что по составу и построению он очень близок к принятой в современной науке классификации письменных источников по истории России XVI–XVII вв. Единственная «копибка», с этой точки зрения, это помешение Миллером между «Летописью о многих мятежах» и разрядными книгами авторского сочинения Манкиева. Однако и тут прослеживается определенная логика: и «Летопись», и «Ядро Российской истории» историк рассматривает как нарративные источники, по своему авторскому характеру примыкающие к летописям, хронографам и Степенной книге и отличающиеся от вышеупомянутых государственных учреждений родословных и разрядных книг, а также делопроизводственных документов.

Статья о летописании и «Опыт» были далеко не единственными сочинениями Миллера, опубликованными в «Ежемесячных сочинениях» в течение десяти лет их существования. Как уже говорилось, журнал сыграл существенную роль в развитии русской журналистики. Влияние публикаций в этом журнале, а также многочисленных сочинений Миллера, написанных в московский период его жизни (1765–1783), исследователи обнаруживают в творчестве таких деятелей русской культуры, как Я. Б. Княгинин, А. Н. Радищев, Н. И. Новиков и др. Но несомненно, что они оказали влияние и на историков

следующего поколения. «Скрытые цитаты» из трудов Миллера можно обнаружить не только у Н. М. Карамзина, но даже у жившего много позже В. О. Ключевского. Гораздо сложнее определить влияние этих трудов на становление научных жанров русской исторической науки, закрепление форм представления и распространения результатов исторических исследований. Однако можно утверждать, что к уже признанным заступам Миллера перел русской исторической наукой нужно добавить и его вклад в профессионализацию в России самого, по выражению М. Блока, «ремесла историка», превращение истории из литературы в науку и формирование научной среды, в которой «известия» о прошлом из познавательного и низицательного рассказа постепенно превращались в предмет научного исследования и обсуждения.

Примечания

- ¹ См.: Чистякова Е. В., Бодалюк А. П. «Да будут потомкам явлено»: Очерки о русских историках второй половины XVIII века и их трудах. М., 1988; Бодалюк А. П. Леготинец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994.
- ² Соловьев И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. С. 292–295; *Они же. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю?* М., 2008. С. 21.
- ³ Дворниченко А. Ю. О периодизации и содержании курса русской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2. История. Вып. 4. С. 32.
- Выражение «более научный подход» вряд ли можно признать удачным: подход может быть либо научным, либо не научным.
- ⁴ См. подробнее: Каменский А. Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России: Избрание. М., 1996. С. 374–415.
- ⁵ Беттигер-Роман К. Н. Русская история. Т. I. СПб. 1872. С. 210.
- ⁶ Соловьев С. М. Герард Фридрих Миллер (Фридрих Иванович Миллер) // Современник. 1854. № 9; Милков И. Н. Главные течения русской исторической мысли. С16б., 1913.
- ⁷ Огобан Н. Н. Герард Миллер и его отношение к первоисточникам // Библиограф. 1889. № 1; Он же. К вопросу об историографе Миллере // Библиограф. 1889. № 8–9.
- ⁸ Багрутиан С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 17.
- ⁹ См.: Национальная идея в Западной Европе в Новое время: Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М., 2005.
- ¹⁰ Соловьев И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: Теория и история. СПб., 2006. Т. 2: Образы прошлого. С. 535.
- ¹¹ См. об этом: Жиков В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 40–41; Данилевский И. И. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- ¹² Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России: Избрание. С. 355.
- ¹³ Шнепер А. Л. Общественная и частная жизнь. СПб., 1875. С. 25–26.
- ¹⁴ Ломоносов М. В. Иволги собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 148–149; *Псковский П. И. Краткий императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1870.* С. 381. Ср. с замечанием Шнербатова, на взгляды которого Миллер оказал значительное влияние: «Не состоит ложность историка самому повествование писателей, из которых выбирает дешевый исторический персонаж. Может он учинить некоторым различия по случаю обстоятельств бывших дел, но никогда до самих дел для того, что они благоприятней и сходственне были бы с обстоятельствами, касающие не может, ибо сие было бы писать роман, а не историю» (Письмо кн. Шербатова, сочинителя Российской Истории к одному приятелю с оправданием на некогория скрытия и явления омульции, учрежденной его Истории от г-на генерал-майора Болтина, творца примечаний на Историю древния и нынешния России г-на Леклерка. М., 1789. С. 29–30).
- ¹⁵ Молголиков А. С. Славянская тема в трудах Татицева и Ломоносова: опыт сравнительной характеристики // Ломоносов: Сб. статей и материалов. Т. 9. СПб., 1991. С. 35.
- ¹⁶ Цит. по: Белковец Л. Н. Россия в немецкой исторической журналистике XVII в.: Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг. Томск, 1988. С. 65.
- ¹⁷ См.: *Gombosz I. De Charlataneria eruditorum: Johann Burkhard Mencke as a forerunner of the enlightened satire* // Daphnis: Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur. 1999. Vol. 28. № 1. Р. 187–200.
- ¹⁸ Илизаров С. С. Герард Фридрих Миллер (1705–1783). М., 2005. С. 19–20.
- ¹⁹ «С моей юности и до моего возвращения из поездки в Англию Голландию и Германию, я был под влиянием политистории самое большое морховского типа: ученой истории, познаний, которые любъяются в библиотеке» (Миллер Г. Ф. История императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // Миллер Г. Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 644).
- ²⁰ Black J. L. G.-F. Müller and the Imperial Russian Academy. Kingston; Montreal, 1986. Р. 5.
- ²¹ Милков И. Н. Указ. соч. С. 67.
- ²² Илизаров С. С. Указ. соч. С. 17, 22.
- ²³ Относительное определение данного издания как исторического журнала среди историков-научноиздатчества в России XVIII–XIX вв. Кн. 1. М., 1998. С. 255–257.
- ²⁴ Его полное название было «Месячные исторические, генеалогические и географические пристрастия в Веномостях».
- ²⁵ См.: Берков И. Н. История русской журналистики XVIII века. М., Л., 1952. С. 64–72.
- ²⁶ Илизаров С. С. Указ. соч. С. 23.
- ²⁷ Миллер Г. Ф. Благосклонный читатель // Миллер Г. Ф. Избранные труды. С. 711–712.
- ²⁸ «Примечания к Ведомостям» определяются историками русской журналистики как научно-полемический журнал.
- ²⁹ См.: Берков И. Н. Указ. соч. С. 72–76.
- ³⁰ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. С16. 1997. С. 145.
- ³¹ Татицев В. Н. История Российской. Ч. 1. М.; Л., 1962. С. 79–92.
- ³² Миллер Г. Ф. Опыт новейших историй о России // Миллер Г. Ф. Избранные труды. С. 158–159.
- ³³ Там же. С. 159–163.